

В.А. Аватков¹, Д.С. Крылов¹

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В РЕГИОНАЛЬНОМ БАЛАНСЕ СИЛ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Сведения об авторе:

**АВАТКОВ Владимир
Алексеевич¹,**

e-mail: v.avatkov@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6345-3782,
SPIN-код: 7909-2304,
AuthorID: 639856

*доктор политических наук,
доцент, заведующий Отделом
Ближнего и Постсоветского
Востока (ИНИОН РАН),*

**Крылов Данила
Сергеевич¹**

e-mail: danila-krylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1982-4678
SPIN-код: 5422-5163,
AuthorID: 978277

*кандидат политических наук,
научный сотрудник Отдела
Ближнего и Постсоветского
Востока Института научной
информации по общественным
наукам (ИНИОН РАН)*

¹ Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), адрес: 117997, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21,,

Аннотация. Целью проведенного исследования стал анализ военно-политического потенциала государств ближневосточной подсистемы международных отношений. Для достижения этой цели были поставлены пять задач. Во-первых, сформулировать исходные гипотезы оценки регионального баланса сил. Во-вторых, определить характерные черты ближневосточной подсистемы в современных международных отношениях. В-третьих, провести сравнительный анализ военной мощи государств Ближнего Востока. В-четвертых, исследовать ближневосточные системы безопасности на современном этапе. В-пятых, выявить особенности ключевых зон вооруженной напряженности на Ближнем Востоке.

Сложный и многоплановый характер геополитической обстановки в регионе и динамика изменений в трех основных зонах конфликтности (сирийско-иракской, палестино-израильской и йеменской) позволили выявить тенденцию к размыванию государствоцентричного миропорядка, однако делать заключение о значительном возматости роли негосударственных акторов и переходе к беспоплярности, описанной в работах Р. Хааса, было бы преждевременным. Конфликтное взаимодействие между государствами, стремящимися к лидерству в регионе (Иран, Израиль, Турция, Саудовская Аравия, Египет), особенно на примере событий конца 2023-2024 года, указывает на смещение баланса сил из относительно статичного, стабильного в динамическое, меняющееся состояние, характеризующееся авторами как состояние-процесс.

По результатам проведенного исследования сделан вывод, что на Ближнем Востоке уже сформировался полицентричный миропорядок регионального масштаба. Данный полицентризм может быть использован в том числе при конструировании региональных систем безопасности, что позволит заинтересованным странам перейти от ограничивающего формата сотрудничества к конструктивному, расширяющему, вовлекающему в диалог все стороны, участие которых необходимо для поддержания неделимой региональной безопасности.

Ключевые слова: военный потенциал, полицентричность, пространства, Ближний Восток, система международных отношений, конфликты, мировая политика, акторы международных отношений, баланс сил.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Аватков В.А., Крылов Д.С. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. – Том 19. – № 4. С. 14–36. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35. EDN: VYQRHC

© Аватков В.А., Крылов Д.С., 2024 г

**MILITARY FACTOR IN THE REGIONAL BALANCE OF POWER
IN THE MIDDLE EAST**

About the author:

Vladimir A. Avatkov¹,

e-mail: v.avatkov@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6345-3782,
SPIN-код: 7909-2304,
AuthorID: 639856
Doctor of Political Science,
Associate Professor, Head of the
Department of the Middle and
Post-Soviet East (INION RAS)

Danila S. Krylov¹,

e-mail: danila-krylov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1982-4678
SPIN-код: 5422-5163,
AuthorID: 978277
Candidate of Political Sciences,
Researcher of the Department of the
Middle and Post-Soviet East, Institute
of Scientific Information on Social
Sciences (INION RAS)

¹Institute of National Economic
Forecasting of the Russian
Academy of Sciences
(Russian Federation, Moscow)

Abstract. The purpose of the study was to analyze the military-political potential of the states of the Middle East subsystem of international relations. To achieve this purpose, five tasks were set. First, to formulate initial hypotheses for assessing the regional balance of power. Second, to determine the characteristic features of the Middle East subsystem in modern international relations. Third, to conduct a comparative analysis of the military power of the Middle East states. Fourth, to study the Middle East security systems at the present stage. Fifth, to identify the features of the key zones of armed tension in the Middle East.

The complex and multifaceted nature of the geopolitical situation in the region and the dynamics of changes in the three main conflict zones (Syria-Iraq, Palestine-Israel and Yemen) made it possible to identify a tendency towards erosion of the state-centric world order, however, it would be premature to draw a conclusion about a significant increase in the role of non-state actors and the transition to non-polarity described in the works of R. Haas. Conflict interactions between states striving for leadership in the region (Iran, Israel, Turkey, Saudi Arabia, Egypt), especially as exemplified by the events of late 2023-2024, indicate a shift in the balance of power from a relatively static, stable to a dynamic, changing state, characterized by the authors as a state-process.

Based on the results of the study, it was concluded that a polycentric world order of regional scale has already been formed in the Middle East. This polycentrism can be used, among other things, in the construction of regional security systems, which will allow interested countries to move from a limiting format of cooperation to a constructive, expanding one, involving in dialogue all parties whose participation is necessary to maintain indivisible regional security.

Keywords: military potential, polycentricity, spaces, Middle East, system of international relations, conflicts, world politics, actors of international relations, balance of power.

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Avatkov, V. A., Krylov, D.S. (2024) Military factor in the regional balance of power in the Middle East. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Volume 19, no.4, p.14-36. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35. EDN: VYQRHC (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир проходит фазу слома и трансформации системы международных отношений, и с течением времени этот процесс приобретает всё более ускоряющийся темп. Распад биполярного миропорядка привёл к коренным изменениям в разделе сфер влияния между ведущими государствами [Савичева, 2014]. В результате США стали претендовать на роль единственного полюса силы в мире (гегемона). Однако вмешательство в глобальную гонку других мировых игроков (вначале Китая, а затем и России) привело к постепенному сдвигу миропорядка от однополярности в сторону одновременного существования нескольких центров силы [Алексеев, 2017].

Одновременно с этим контуры глобального миропорядка как были достаточно размытыми, так и продолжают таковыми оставаться, принимая во внимание разнонаправленные устремления ведущих центров мирового порядка и сложности в идентификации лидеров и ведомых в каждый конкретный момент времени и места. Таким образом, полицентричность в современных реалиях в рамках многополярного миропорядка достигла определенного уровня сформированности (центров силы явно больше двух, при этом дискуссионным остается вопрос их идентификации), в то время как система международных отношений, включая «правила» функционирования и взаимодействия акторов, продолжает оставаться эфемерной по мере перехода конфронтации ведущих центров силы на глобальный уровень. При этом мировой порядок – не просто внешнеполитическое взаимодействие акторов, а глобальная геополитическая и геоэкономическая архитектура [Евстафьев, 2024].

Россия, которая исторически являлась одним из государств-балансирующих полицентричного миропорядка¹, в настоящее время вовлечена в активную кросс-пространственную конфронтацию с Западом², которая в отдельных аспектах затрагивает интересы выживания Москвы, достигая критических уровней эскалации. Другие центры силы (США, Китай) формируют собственные сферы влияния, которые в последние годы всё меньше связаны территориальной близостью и начинают пересекаться в различных отдельных пространствах (экономическом, энергетическом, технологическом и других).

На фоне столкновений стратегических интересов ведущих держав

¹ Посол РФ в Лондоне заявил, что Россия удерживает мир от глобальной катастрофы. – URL: <https://tass.ru/politika/21082393> (дата обращения: 12.05.2024).

² Лавров заявил, что Россия ведет с Западом уже не гибридную войну. – URL: <https://ria.ru/20230123/rossiya-1846778090.html> (дата обращения: 12.05.2024).

происходит усиление региональных и кросс-региональных лидеров, которые стремятся к укреплению своих позиций на международной и глобальной аренах. Вместе с тем представляется весьма вероятным, что тот, кто выйдет победителем из нынешнего витка глобальной конфронтации, будет определять новый миропорядок и новую систему международных отношений. И в этом контексте на настоящий момент многие государства Востока, включая Россию, выступают за построение полицентричного, или, как еще его называют, многополярного, мира [Дробинин, 2023].

При этом, говоря о центричности, нельзя не упомянуть тезис американского дипломата и исследователя Р. Хааса о «бесполярном мире» [Haas, 2008]. С его точки зрения, «бесполярный мир» – это система международных отношений, в которой государства фактически утратили монополию на силу, а в отдельных областях и исключительное положение. Конкуренцию государствам как ключевым акторам международных отношений в рамках бесполярного миропорядка составляют всемирные и региональные организации, различные военизированные формирования и неправительственные организации, а также корпорации.

Не вызывает сомнений тот факт, что на современном этапе отдельные негосударственные акторы в отдельных пространствах взаимодействия (преимущественно в военно-политическом, идейно-ценностном и социально-экономическом) достигли такого уровня, при котором государства не могут не считаться с ними. Однако это не означает (и конфликты на Ближнем Востоке это активно демонстрируют), что государства утратили исключительное положение на мировой арене и монополию на силу. К числу негосударственных акторов можно отнести различные движения и партии, в особенности в тех государствах, где официальная власть крайне слаба. Например, на Ближнем Востоке таковыми являются движение «Хизбалла»¹ в Ливане (который фактически разрушен гуманитарной катастрофой и её социально-экономическими последствиями) и движение хуситов «Ансар Аллах» в Йемене.

Изменения геостратегической обстановки на Ближнем Востоке, наблюдаемые на современном этапе, позволяют говорить о некотором размывании государствоцентричного миропорядка, однако делать вывод о переходе к бесполярности Хааса было бы преждевре-

¹ Примечание: в экспертном и журналистском обороте используются разные названия: «Хезболла», «Хезболлах», «Хизбалла», «Хизбаллах». Однако с точки зрения грамматики и фонетики арабского языка более правильным будет написание «Хизбалла» (от слов «Хизб» – «партия», «Аллах» – «Бог»).

менным. Ведущие государства Ближнего Востока сохраняют свое доминирующее положение в определении характера развития региональных процессов, в ходе которых проявляется множественная (полицентричная) составляющая нового миропорядка. В рамках подобной модели одним из ключевых вопросов становится определение его ведущих центров. Однако попытки оценить баланс сил на глобальном уровне сталкиваются с высокой сложностью формулирования единого комплексного показателя, который мог бы помочь оценить потенциал того или иного актора на международной арене с учетом всех особенностей глобального взаимодействия [Hart, 1976].

В рамках данного исследования предлагается вместо этого исходить из трех ключевых гипотез:

Первая. Баланс сил акторов международных отношений рассматривается начиная с регионального уровня, и при необходимости происходит повышение размерности (глобальности) исследуемой области.

Вторая. Баланс сил оценивается не через комплексный показатель, а через исследование совокупности различных пространств и подпространств (например, подпространства военно-технического экспорта/импорта в рамках военного пространства; подпространства атомной энергетики в рамках энергетического пространства), в рамках каждого из которых множество государственных, надгосударственных и негосударственных акторов делится на три группы:

- 1) региональных лидеров,
- 2) стремящихся к региональному лидерству и
- 3) локальных (включая малые государства, прокси-силы, различные про- и квазигосударственные формирования, а также государства частично или полностью утратившие суверенитет).

При этом ключевыми с точки зрения анализа являются первая и вторая группы, которые обладают суверенитетом и/или высоким уровнем политической самостоятельности (в контексте рассматриваемых вопросов), в то время как третья группа акторов – преимущественно локальные (ведомые) участники, не принимающие ключевых решений по глобальным или региональным международным проблемам, а также акторы, утратившие целостность и/или самостоятельность.

Третья. Любой из определяемых балансов сил не является четко зафиксированной структурой, но представляет собой динамичную систему, которая находится в состоянии постоянной трансформации

и реконфигурации. Последняя может включать в себя как изменение потенциалов и сил акторов в рамках каждого отдельного пространства/подпространства, так и изменение границ изучаемых регионов и используемых объективных данных.

Поскольку охватить всё многообразие регионов и существующих пространств не представляется возможным, три гипотезы, предложенные в рамках данной работы, будут применены для анализа существующего на момент окончания первой половины 2024 года баланса сил в военно-политическом пространстве взаимодействия ведущих региональных акторов (Ирана, Израиля, Турции и Саудовской Аравии) в рамках ближневосточной подсистемы международных отношений.

Ближневосточная подсистема в современных международных отношениях

Ближний Восток на протяжении многих десятилетий был и остается одним из самых конфликтогенных регионов мира и зоной столкновения стратегических интересов ведущих мировых держав. Рассматривая данную подсистему в условиях середины третьего десятилетия XXI века, необходимо учитывать высокую геополитическую и геоэкономическую значимость. Несмотря на то что основные процессы в экономике и политике переместились из Европы в Азию, регион не потерял своей важности в международных отношениях. Основные торговые пути и сухопутные логистические маршруты из Азии в Европу проходят либо через Ближний Восток, либо через Россию.

В рамках данной работы к региону Ближнего Востока относятся страны Аравийского полуострова (Бахрейн, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), арабского Машрика (Иордания, Ирак, Ливан, Сирия), Израиль. Также в регион входят государства, находящиеся на его границах (Египет на западе, Турция на севере и Иран на востоке), поскольку они играют ведущую роль во всех региональных процессах.

Кроме того, в регионе действует множество надгосударственных акторов, например Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Лига арабских государств (ЛАГ) и др. Сложная система межакторных отношений усилена негосударственными акторами, к числу которых относятся различные партии и политические движения («Хизбалла», ХАМАС, ФАТХ, ООП, «Ансар Аллах»); прогосударственные парамили-

тарные формирования/милиции (проиранские Сарая аль-Хурасани и др.) [Игнатенко, 2018]; региональные и внерегиональные неправительственные акторы, участвующие в политическом процессе (Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека, «Белые каски», Human Rights Watch и др.), а также террористические и экстремистские группировки, запрещенные на территории России (ИГ, «Аль-Каида», «Джейш-аль-Ислам» и др.).

Среди перечисленных государств следует особо выделить пять региональных лидеров. Это Турция, Иран, Саудовская Аравия, Египет и Израиль. В региональные процессы активно вовлечены и мировые державы, а именно Россия, США, Китай, Франция и Великобритания, что осложняет реальное регулирование вопросов, связанных с эскалацией кризисов на уровне любых глобальных (международных) институтов, начиная с Совета Безопасности ООН.

Постоянная опасность эскалации вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке воспринимается государствами региона как неотъемлемая часть оценки национальной безопасности и существующего в регионе баланса сил. При этом безопасность заключается не только в поддержании состояния защищенности от внешних и внутренних вызовов и угроз, но и в вопросе восприятия собственной безопасности в контексте множества реальных, потенциальных и мнимых вызовов и угроз¹.

В этой связи отдельные государства региона стремятся не только обеспечить соответствующий вызовам и угрозам уровень собственной безопасности и военного потенциала, но и создать также систему связей (сдержек и противовесов) с кросс-региональными игроками и мировыми державами, которые могли бы сдвинуть данный баланс в сторону большей защищенности. Для этого используются как прямые методы устрашения, так и стратегия не прямых действий [Лиддел Гарт, 2018], дипломатические маневры, экономические договоренности и решения. Как следствие, возникает многоуровневая система баланса безопасности государств региона. Однако стремление одних стран обеспечивать собственную безопасность путем усиления военного и политического потенциала приводит к реализации на практике классической для международных отношений «дилеммы безопасности» [Джервис, 2022]. При этом военный компонент в данном случае представляет традиционные вооруженные силы, военные техноло-

¹ Аватков В.А. Отстаивая собственное «я»: фактор онтологической безопасности во внешней политике современной Турции. Интервью с профессором Тогрулом Исмаилом // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 145–155. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.09.

гии, НИОКТР, а также бюджет на военные расходы и закупки, а политический компонент – взаимодействие государственных акторов между собой и создание ими сетей акторов влияния и инструментов воздействия на складывающийся баланс сил.

Военная мощь государств Ближнего Востока

Что касается военного компонента, то для его измерения и сравнения (учитывая, что индексы обычно представляют собой субъективные и политизированные показатели) можно использовать Global Firepower Index (PwrIndx). При этом следует учитывать, что алгоритм расчёта данного индекса использует шкалу, которая стремится к нулю (т. е. чем значение меньше, тем выше военный потенциал государств). Кроме того, PwrIndx может быть использован исключительно для компаративного анализа государств, поскольку не содержит данных о показателях негосударственных акторов.

Из базы данных Global Firepower Index были выбраны значения оценки военной мощи 15 ближневосточных государств (исключая Палестину, которая не имеет армии и не может быть оценена в рамках данного исследования). При этом показатели были взяты за два года: 2023 и 2024. Затем каждый показатель был инвертирован (возведен в -1 степень, чтобы получить нормальный ряд чисел, где чем больше число, тем выше потенциал) и нормализован, т. е. приведен к диапазону от 0 до 1, где 0 – минимальное значение среди представленных за соответствующий год, а 1 – максимальное.

Кроме того, была проведена оценка изменения военного потенциала (динамика) за 2024 год в сравнении с 2023 годом: в случае положительного значения (увеличения потенциала) он обозначен как «Рост», при отрицательном значении – как «Спад», а при нулевом – как «Без изменений».

Также для разделения акторов по категориям по каждому показателю были определены среднеквадратичные отклонения, т. е. степень отклонения чисел в статистическом ряду от их среднего арифметического, которое измеряется в том же показателе, что и весь ряд (в отличие от дисперсии). Серым цветом выделены показатели государств, которые больше или равны среднеквадратичному отклонению.

В результате произошло разделение массива данных на две части: меньшую – группу государств-лидеров – и большую – группу локальных стран. К первой группе относятся Турция (абсолютный лидер по военной мощи за 2023 и 2024 гг.), Иран (2-е место в 2024 году, 3-е место в 2023-м), Египет (3-е место в 2024-м и 2-е место в 2023 году), Израиль (4-е место в 2023 и 2024 гг.) и Саудовская Ара-

вия (5-е место в 2023 и 2024 гг.). При этом можно заметить, что у Ирана произошел прирост военной мощи, в то время как у Египта, Израиля и Саудовской Аравии – значительный спад, по своим значениям превзошедший положительную динамику Тегерана.

Таблица 1 – Военная мощь государств Ближнего Востока, 2023–2024 гг.

Table 1 – Military power of the Middle East states, 2023–2024

Государство	PwrIndx		Нормализация данных		Динамика по нормализованным данным 2023–2024
	2023 ¹	2024 ²	2023	2024	
Турция	0,2016	0,1697	1	1	Без изменений: 0
Иран	0,2712	0,2269	0,718	0,729	Рост: 0,011 ↑
Египет	0,2224	0,2283	0,8972	0,724	Спад: -0,1732 ↓
Израиль	0,2757	0,2569	0,7046	0,6351	Спад: -0,0695 ↓
Саудовская Аравия	0,3626	0,3235	0,512	0,4889	Спад: -0,0231 ↓
Ирак	0,7365	0,7441	0,2018	0,1701	Спад: -0,0317 ↓
ОАЭ	0,8978	0,8083	0,1478	0,1506	Рост: 0,0028 ↑
Сирия	1,1095	1,0026	0,1007	0,1068	Рост: 0,0061 ↑
Катар	1,1296	1,0789	0,0972	0,094	Спад: -0,0032 ↓
Кувейт	1,4441	1,4261	0,0544	0,0528	Спад: -0,0016 ↓
Оман	1,4081	1,4448	0,0584	0,0511	Спад: -0,0073 ↓
Иордания	1,5098	1,4651	0,0477	0,0494	Рост: 0,0017 ↑
Йемен	1,3985	1,4692	0,0594	0,049	Спад: -0,0104 ↓
Бахрейн	1,4511	1,7163	0,0537	0,0312	Спад: -0,0225 ↓
Ливан	2,2381	2,4283	0	0	Без изменений: 0
Среднеквадратичное отклонение	0,6167	0,6744	0,3519	0,3306	

Среди государств второй группы спад военной мощи произошел у Ирака, Катара, Кувейта, Омана, Бахрейна и Йемена. Рост – у ОАЭ, Сирии и Иордании. А Йемен и в 2023-м, и в 2024 году занимает последнее место с нулевым показателем по нормализации (здесь следует учитывать, что оценивается военная мощь государства, кото-

¹ 2023 Military Strength Ranking. – URL: <https://web.archive.org/web/20230128102337/https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 20.03.2024).

² 2024 Military Strength Ranking. – URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 20.03.2024).

рое находится в состоянии затяжного вооруженного конфликта и фактически перестало существовать как единый суверенный актор, а не различных группировок, поддерживаемых Ираном или другими региональными лидерами).

Ближневосточные системы безопасности на современном этапе

Намерения кросс-региональных (Турция, Иран, Египет, Саудовская Аравия, Израиль) и мировых (Россия, США, Великобритания) держав защищать и продвигать свои национальные интересы в регионе порождают стремление создавать системы безопасности, которые позволяли бы изменить региональный баланс сил в пользу того или иного актора. В этом контексте представляется важным отметить, что в регионе параллельно существует несколько систем, ни одна из которых не является единственной доминирующей. Кроме того, сами системы имеют разную направленность: одни являются сдерживающими и ограничивающими (в их основе лежат идеи уменьшения числа акторов – центров силы, что потенциально может увеличить предсказуемость процессов и в случае исключения линий противоречий снизить остроту и скорость эскалации конфликтных отношений), другие – конструктивными и расширяющими, стремящимися вовлечь в свою орбиту всё большее число участников, чтобы сформировать реальную систему диалога, обеспечения и поддержания состояния защищенности всех заинтересованных акторов (как внутренних, так и внешних) в регионе.

После десятилетий попыток конструирования региональных систем безопасности по состоянию на конец первой половины 2024 года на Ближнем Востоке их осталось три, две из которых были сконструированы кросс-региональными и региональными игроками, а последняя создана при участии мировой державы. Кроме того, США и страны Запада продолжают попытки реализовать концепцию «арабского НАТО» [Суманев, 2018].

Первой архитектурой, сохранившейся к марту 2023 года, является региональная международная организация Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), созданная в 1981 году. В состав Совета входят Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты и Оман. Для государств-основателей эта организация стала демонстрацией арабского единства [Ramazani, 1988]. На фоне военных успехов Ирана в Ираке в 1982 году объединенные вооруженные силы госу-

дарств Совета сотрудничества стран Персидского залива провели первые учения «Щит полуострова I», призванные продемонстрировать единство и солидарность государств-членов в вопросах безопасности и обороны.

На современном этапе государства – члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и их вооруженные силы принимали участие в военной кампании Саудовской Аравии в Йемене против повстанцев-хуситов¹ [Беленькая, 2015]. Однако силы «Щита полуострова» неубедительно проявили себя в ходе боевых действий. «Щит полуострова» оказался также не слишком эффективным в условиях противостояния Эр-Рияда и Тегерана. Этот случай показывает, что ограничение системы безопасности исключительно военной составляющей ослабляет ее и делает менее действенной по сравнению с архитектурами, которые используют комбинацию военной и политической составляющих.

Второй структурой безопасности, существующей на Ближнем Востоке, является Исламская военная коалиция по борьбе с терроризмом, возглавляемая Саудовской Аравией. Эта межправительственная организация была создана в декабре 2015 года для борьбы с запрещенным в России «Исламским государством» и глобальным терроризмом. В коалицию входит 41 страна Ближнего Востока, Северной Африки, Африки Южнее Сахары, Южной Азии и Турция. Стоит отметить, что Иран, являющийся региональным соперником Саудовской Аравии, а также Сирия и Ирак не входят в состав коалиции.

Эта организация представляет собой в первую очередь политический союз, направленный на координацию контртеррористической деятельности. Реальный уровень противодействия угрозам со стороны террористических квазигосударств Ближнего Востока, однако, был и остается крайне низким. В Сирии запрещенное в России «Исламское государство» вместе с другими террористическими группировками было практически уничтожено в ходе военной операции Российской Федерации с привлечением как сирийских, так и иранских вооруженных сил, несмотря на противодействие США и ряда региональных и кросс-региональных государств. В Ираке террористам в первую очередь противостояли иракские, курдские и американские вооруженные силы.

¹ Беленькая М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // РИА Новости. 26.03.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491> (дата обращения: 20.03.2024).

Третья система – это инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке, которая создается Россией с участием Турции и Ирана на основе Астанинского формата с целью урегулирования сирийского конфликта¹. Инклюзивность означает вовлечение в диалог всех акторов, имеющих решающее влияние на региональные процессы в области обороны и безопасности. Трехсторонние отношения между Россией, Ираном и Турцией составляют основу функционирования инклюзивной архитектуры безопасности в регионе.

Данная архитектура отвечает стратегическим интересам России, Турции и Ирана и необходима для реализации эффективной и ориентированной на результат внешней политики, защиты экономических интересов, поддержания имиджа и развития двусторонних отношений Москвы с региональными и кросс-региональными державами. Кроме того, она имеет потенциал для расширения и включения участников, способных положительно повлиять на политическую стабильность и снизить риски глобальных угроз, таких как революционные события и террористическая деятельность радикальных группировок [Сапронова, 2019].

Ключевые зоны вооруженной напряженности на Ближнем Востоке

В настоящее время в регионе существуют три основных зоны вооруженной напряженности (ЗВН): сирийско-иракская, палестино-израильская (которую после череды эскалаций напряженности между Ираном и Израилем после начала операции «Потоп Аль-Акса» силами ХАМАС 7 октября 2023 года вполне можно именовать ирано-израильской или просто израильской) и йеменская. Все три связаны друг с другом разноуровневым конфликтным взаимодействием Ирана и Израиля.

Так, в рамках сирийско-иракской ЗВН действуют проиранские ополчения и военные формирования, тесно связанные с Корпусом стражей исламской революции (КСИР). В йеменской ЗВН одним из ключевых акторов – прямых участников является шиитское движение хуситов «Ансар Аллах», тесно связанное с Тегераном как военно-политически, так и гуманитарно-экономически. А в контексте израильской зоны конфликтности одним из инструментов иранской политики является шиитская ливанская партия и движение «Хизбалла».

¹ Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трёхсторонний подход // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 06.04.2018. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 20.03.2024).

В совокупности подобный массив проиранских сил в регионе приводит Израиль к ситуации, в которой защиту национальных интересов необходимо осуществлять за пределами государственных границ. Так, в рамках подобной оценки ситуации Тель-Авив регулярно наносит удары по проиранским силам и их союзникам в Сирии (преимущественно из воздушного пространства Ливана или из международной зоны Восточного Средиземноморья), участвует в ограниченном военном противостоянии с «Хизбаллой», а также в июле 2024 года использовал ВВС для нанесения авиаудара по подконтрольному хуситам порту Ходейда в Йемене¹.

Аналогичным образом в каждой из зон военной напряженности имеют свои интересы другие кросс-региональные ближневосточные игроки, например Турция и Саудовская Аравия (КСА), в том числе в контексте недопущения усиления других игроков и значительного смещения баланса сил в регионе. При этом вовлеченность названных государств отличается, например, от военно-политического курса Ирана.

Так, Саудовская Аравия в марте 2015 года возглавила военную операцию ряда государств в Йемене против повстанцев-хуситов. При этом за прошедшие почти 10 лет Эр-Рияд не смог добиться однозначной победы над движением «Ансар Аллах», что привело к постепенной смене восприятия конфликта с «маленькой победоносной войны» на «затяжной стратегический кризис с неявными результатами и высокими затратами экономических и политических ресурсов». В итоге в апреле 2023 года начался переговорный процесс между Саудовской Аравией и хуситами, в рамках которого были достигнуты договоренности если не о полном прекращении боевых действий, то о значительном снижении эскалации и отказе повстанцев от нанесения ударов по критически важной инфраструктуре КСА. Данные договоренности продолжают сохраняться по состоянию на середину июля 2024 года, несмотря на весь уровень напряженности вокруг Йемена. Высокий уровень конфронтации в йеменской зоне связан, помимо прочего, с проводимой США и их союзниками с 18 декабря 2023 года военной операцией «Страж процветания», направленной против хуситов из движения «Ансар Аллах»².

¹ Война на три фронта: эскалация между Израилем и хуситами усилилась. – URL: <https://iz.ru/1731604/kseniia-loginova/voina-na-tri-fronta-eskalatcia-mezhdu-izrailem-i-khusitami-usililas> (дата обращения: 24.03.2024).

² СМИ сообщили о начале военной операции США и Британии против хуситов в Йемене. – URL: <https://iz.ru/1633174/2024-01-12/ssha-i-britaniia-nachali-voennuiu-operatciu-v-jemene>

Что касается сирийского кейса, то в нём КСА долгое время поддерживали различные сирийские оппозиционные силы, нацеленные на свержение Б. Асада и установление новой власти в стране, что позволяло Эр-Рияду в перспективе значительно укрепить свои позиции регионального лидера. Однако участие России в военно-политических процессах в Сирии, вмешательство третьих сил как регионального (Турция и Иран), так и международного (США) порядка, а также постепенная заморозка конфликта ввиду активного противодействия коалиции Россия – Сирия – Иран террористическим группировкам привели к трансформации баланса сил в рамках данной зоны конфликтности и, как следствие, смещению всего регионального баланса сил в сторону просирийской коалиции. Вследствие этого с 2021 года начался процесс нормализации отношений между Эр-Риядом и Дамаском [Щегловин, 2021], который привел в числе прочего к возобновлению работы дипломатической миссии Саудовской Аравии в Сирии¹, а также к привлечению МИД КСА к обсуждению усилий по всестороннему урегулированию сирийского кризиса².

В рамках израильской зоны военной напряженности Саудовская Аравия ограничивается заявлениями политического характера, связанными с осуждением случаев чрезмерной жесткости и неограниченного применения силы воюющими сторонами (в первую очередь Израилем) в ходе боевых действий как на территории Палестины – в секторе Газа, так и за ее пределами – на территории Йемена³.

Вооруженные силы Турецкой Республики, в отличие от армии Саудовской Аравии, принимают активное участие в боевых действиях и военных операциях на территории как Сирии, так и Ирака. При этом, в отличие от иных региональных игроков, Анкара активно использует в своей внешней политике силы частных военных компаний SADAT и Akademi Sancak. Они не позиционируют себя как боевые структуры, но при этом известно об их опыте участия в военных действиях в Ливии, Сирии, Ираке [Аватков, Сбитнева, 2023].

protiv-khusitov (дата обращения: 20.03.2024).

¹ Посольство Саудовской Аравии возобновит работу в Сирии. – URL: <https://iz.ru/1510447/2023-05-10/posolstvo-saudovskoi-aravii-vozobnovit-rabotu-v-sirii> (дата обращения: 20.03.2024).

² Асад и глава саудовского МИД обсудили усилия по всестороннему сирийскому урегулированию. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17552899> (дата обращения: 20.03.2024).

³ МИД Саудовской Аравии: атаки Израиля на Йемен вредят усилиям по перемирию в Газе. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21414455> (дата обращения: 20.03.2024).

В целом Турецкая Республика в первую очередь ведет боевые действия против курдских формирований, которые считаются Анкарой террористическими, идет борьба и за контроль территорий, расширение зоны влияния, а также с целью получения доступа к углеводородам, не все из которых находятся под контролем официального Дамаска. Вместе с тем за прошедшее с начала сирийского кризиса время происходили столкновения турецких сил с внешними игроками: как с Россией, так и с США и их региональными союзниками (оппозиционными сирийскими группировками и курдскими подразделениями). Тем не менее события первой половины 2024 года показывают, что для укрепления своих позиций в регионе Турция готова пойти даже на возобновление диалога и сотрудничества с Сирией, что может в перспективе значительно укрепить позиции Анкары как на региональной арене, так и на международной (возвращая Турцию к идее «государство – дипломатический хаб»), а также ослабить позиции Израиля на Ближнем Востоке, который мог бы играть на сложностях в отношениях в треугольнике «Турция – Сирия – Иран».

Следует заметить, что современная внешняя политика Турецкой Республики в своей основе зиждется на трех ключевых идеях-идеологемах: пантюркизме, исламизме с турецкой спецификой и неоосманизме. Первый не слишком применим и малоэффективен в условиях ближневосточных реалий в связи с недостаточным количеством тюркских народов среди арабов. Вторая идеология является одним из камней преткновения в отношениях Анкары и Эр-Рияда, поскольку затрагивает вопрос лидерства в исламском мире и государства – защитника угнетенных мусульман (в настоящее время в большей степени эта карта разыгрывается в отношении мусульман Палестины). А третья идеология – неоосманизм – может быть применена лишь с определенной долей осторожности, поскольку её активное продвижение может войти в конфронтацию с восприятием государствами региона себя как суверенных и независимых акторов. В этом контексте неоосманизм может быть воспринят как попытки легализовать имперские амбиции и реставрировать Османскую империю в новых мировых реалиях [Гузаеров, 2024].

Тем не менее идеи лидерства в исламском мире и формирования новой надгосударственной идентичности, в рамках которой Турция стала бы центром не только тюркского мира, но и всех территорий бывшей Османской империи, в реалиях эскалации ирано-израильского конфликта могут оказаться крайне своевременными

для Анкары. Главным условием успешности здесь, с высокой степенью вероятности, станет способность Турции балансировать между интересами различных сторон, а также корректная оценка постоянно трансформирующегося баланса сил, который, например, в военном плане в настоящее время в большей степени смещается в сторону полюса-Тегерана, отдаляясь от полюса-Тель-Авива. Этим могут быть обусловлены в числе прочего заявления Р.Т. Эрдогана в адрес руководства Израиля в конце июля 2024 года по вопросу возможной операции ЦАХАЛ против движения «Хизбалла» на территории Ливана¹.

Разрушительная война в Йемене и последовавший там же затяжной гуманитарный кризис оказали влияние и на Турецкую Республику. Весной 2015 года, когда Саудовская Аравия с союзниками начала военную операцию, Анкара прямо и официально поддержала действия Эр-Рияда, потребовав от Ирана вывести свои военные подразделения и прокси-силы из Йемена². Подобный шаг был сделан, в частности, с расчетом на нормализацию довольно сложных отношений между двумя государствами после военного переворота в Египте в 2013 году. Кроме того, президент Турции Р.Т. Эрдоган выступил с критикой политики Ирана и его стремления «доминировать в регионе». Это, в свою очередь, привело к очередному витку напряженности между Анкарой и Тегераном.

Однако после 2015 года благодаря усилиям Москвы на сирийском треке в рамках Астанинского формата произошло определенное сближение Ирана и Турции. Как следствие, в 2018 году в связи с активным включением Израиля в конфликт КСА и Ирана президент Р.Т. Эрдоган изменил риторику, подчеркнув необходимость достижения скорейшего мира и стабильности по итогам переговорного процесса под эгидой ООН. Также он возложил ответственность за регулирование гуманитарной ситуации в Йемене на международное сообщество [Осипян, 2019].

На современном этапе после начала военной операции международной коалиции против хуситов Турция выступила с резкой критикой действий США и Великобритании. Президент Р.Т. Эрдоган прямо обвинил Вашингтон и Лондон в применении непропорциональной силы и в стремлении «превратить Красное море в море крови». По-

¹ МИД Турции: Нетаньяху ждёт судьба Гитлера из-за событий в секторе Газа. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/1347542-mid-turcii-netanyahu-gitler> (дата обращения: 29.03.2024).

² Yemen'de 'Kararlılık Fırtınası' operasyonu. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/yemende-kararlilik-firtinasi-operasyonu/63227> (дата обращения: 29.03.2024).

добная критика со стороны, казалось бы, союзника по НАТО вызвала ответную негативную реакцию как в США, так и в Великобритании¹. При этом стороны понимают, что исключительно риторикой Турция мало способна каким-либо действенным образом повлиять на военные действия западных держав в Йемене. А для разрушения англосаксонского союза, даже если подобный шаг отвечал бы стратегическим интересам Анкары, Турция не имеет достаточного количества политических, экономических или военных ресурсов, равно как и опыта разрушения подобных альянсов.

Говоря о национальных интересах Арабской Республики Египет, которая является пятым государством – региональным лидером, следует отметить, что в первую очередь (в контексте военных проблем на Ближнем Востоке) они касаются израильской зоны вооруженной напряженности. Так вопросов посредничества в ходе возможного переговорного процесса между Израилем и ХАМАС, как это случилось не раз в прошлые интифады и после военных операций Тель-Авива в секторе Газа. Также для Каира довольно острой стала проблема ограниченного судоходства через Суэцкий канал после объявления хуситами морской блокады Израиля. В рамках данного кейса Египет готов пойти на все необходимые меры, однако не обладает достаточными средствами, чтобы действовать самостоятельно. Вероятнее всего, Каир будет выжидать достижения выгодных результатов третьими силами, в том числе международной коалицией во главе с США.

Что же до израильской проблемы, то Египта она касается преимущественно в связке с вопросом присутствия беженцев на границе Израиля и Египта, а также с возможными актами ограниченной израильской агрессии против египетских вооруженных сил на Синайском полуострове, которые могут оказаться поблизости от вооруженных сил и мест базирования движения ХАМАС. Вместе с тем, хотя Каир имеет более высокий военный потенциал, нежели Тель-Авив, весьма неуспешный опыт арабо-израильских войн второй половины XX века является одним из сдерживающих факторов от возможных наступательных инициативных действий Арабской Республики. Однако акторов останавливает не только историческая память, но и определенное технологическое отставание Египта (который, например, не имеет даже геостационарных спутников для контроля соб-

¹ Турция и Великобритания разошлись в позициях по Йемену. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/02/01/turcziya-i-velikobritaniya-razoshlis-v-pozicziyah-po-jemenu/> (дата обращения: 29.03.2024).

ственной территории, в то время как Израиль разместил подобную космическую группировку над Синайским полуостровом в рамках продолжения Кемп-Дэвидских соглашений и связанных с ними ограничений, наложенных на Каир). Наконец, Арабская Республика Египет, как и многие другие арабские страны, имеет довольно тесное непубличное экономическое сотрудничество с Израилем, в том числе в области инвестиций и энергетики, что также не способствует потенциальным военным действиям между двумя региональными игроками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что ближневосточная подсистема международных отношений исторически отличалась высоким уровнем конфликтности, наличием большого количества зон напряженности, а также присутствием большого числа государств-лидеров, имеющих разные взгляды на баланс сил в регионе. Однако события конца 2023 – 2024 года указывают на смещение баланса сил из стабильного в динамичное, меняющееся состояние. Фактический баланс должен оцениваться не столько как состояние-результат, сколько как состояние-процесс, т. е. ключевым становится не конкретное соотношение сил в выбранном регионе в определенный момент времени, а сама динамика изменения баланса, его трансформация.

И на современном этапе (в условиях постепенной деградации мирных инициатив и диалоговых форматов сотрудничества на региональном уровне) происходит перестройка традиционных линий *конфронтации* с сохранением определенного «конструктивного» соперничества. Так, наблюдается процесс «сверки часов» и налаживания дипломатического сотрудничества между тремя ключевыми региональными центрами силы – Ираном, Турцией и Саудовской Аравией. Израиль в подобной ситуации оказывается в положении актора-изгоя, с которым остальные ведущие региональные государства связаны экономическими интересами. Таким образом, несмотря на выход существующих региональных конфликтов за пределы Ближнего Востока, их поэтапную глобализацию, продолжает сохраняться определенная системность связей внутри региона, осложненная внешним воздействием мировых центров силы.

С учетом высокого уровня военного потенциала всех пяти государств-лидеров на Ближнем Востоке в перспективе, весьма вероятно, эскалация обстановки продолжится. А активное применение сторонами различных прокси-сил и сетей влияния в регионе будет

лишь способствовать усилению конфликтности, что в определенный момент времени может создать условия для слияния существующих отдельных зон вооруженной напряженности в одну надрегиональную с участием как государств-акторов, так и подконтрольных им негосударственных формирований. В подобных условиях крайне актуальным станет вопрос систем безопасности, направленных на достижение конкретных результатов, в том числе в рамках инклюзивного диалога на равных, что способно снизить риски, возникающие в контексте «дилеммы безопасности». И на современном этапе только Российская Федерация готова продвигать и продвигает на Ближнем Востоке идею подобной системы формирования и поддержания безопасности, которая при этом не препятствует функционированию иных, уже существующих систем, блоков и коалиций.

Таким образом, на Ближнем Востоке в пространствах военного потенциала государств и их вовлеченности в региональные конфликты уже сформировался определенный полицентричный миропорядок регионального масштаба. Аналогичный полицентризм может быть сконструирован и в области систем безопасности, что позволит перейти заинтересованным странам от ограничивающего формата сотрудничества к конструктивному, расширяющему, вовлекающему в диалог все стороны, участие которых необходимо для поддержания неделимой региональной безопасности.

Библиография/References:

1. Алексеенко О.А. Перспективы России в полицентричной системе международных отношений // Россия и современный мир. – 2017. – № 2 (95). – С. 226–230. – EDN ZAFNWT
2. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Один в поле не воин: ведущие ЧВК Турции // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 2 (65). – С. 219–232. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232. – EDN RFKIVC.
3. Гузаеров Р.И. Оценка перспектив развития внешней политики Турции в 2024 г. Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETA) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 57–68. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.05. – EDN WXUJFV.
4. Джервис Р. Два взгляда на международные отношения и холодную войну // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 96–109. – DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-96-109.

5. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 2. – С. 54–62. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-54-62. – EDN УНJJAE.
6. Евстафьев Д.Г. Глобальные трансформации: диалектика преемственности далекого прошлого и отрицания недавнего // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19. – № 1. – С. 37–56. – DOI 10.22394/2071-2367-2024-19-1-37-56. – EDN QLFWWP.
7. Игнатенко А.А. Иранские/проиранские шиитские вооружённые группировки на Ближнем Востоке и в мире. Документированные заметки. Часть 1 // Институт Ближнего Востока. 27.08.2018. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=47228> (дата обращения: 20.02.2024).
8. Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. – Москва: АСТ, 2018. – 508, [4] с.
9. Осипян А.О. Турция и война в Йемене: трансформация подходов // Институт Ближнего Востока. 14.02.2019. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=53351> (дата обращения: 20.02.2024).
10. Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 14–21. – EDN SYBSUX.
11. Сапронова М.А. Проблемы и пределы регионализации в арабском мире и экономические интересы России на Ближнем Востоке // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 157–163. – EDN OMRCWO.
12. Суманев Ю. «Арабское НАТО» или «суннитская дуга» // Международная жизнь. 04.08.2018. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20301> (дата обращения: 20.02.2024).
13. Щегловин Ю.Б. Что стоит за изменением позиции КСА в отношении Сирии // Институт Ближнего Востока. 06.05.2021. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=77107> (дата обращения: 20.02.2024).
14. Haas, R.N. (2008) *The Age of Nonpolarity. Foreign Affairs*. May/June 2008. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity> (дата обращения: 20.02.2024).
15. Hart, J. (1976) Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations . *International Organization*. – Spring, Vol. 30, no. 2, P. 289–305.
16. Ramazani, R.K. (1988) *The Gulf Cooperation Council Record and Analysis. Charlottesville: University Press of Virginia*, 240 p.

1. Alekseenko, O. A. (2017). Perspectives of Russia in the polycentric system of international relations. *Russia and the Modern World*. no. 2 (95), pp. 226-230. –EDN ZAFNWT (In Russ.).
2. Avatkov, V. A., Sbitneva, A. I. (2023). One man in the field is no warrior: Turkey's key private military companies. *Pathways to Peace and Security*. no 2 (65), pp. 219-232. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232. – EDN RFKIVC. (In Russ.)
3. Guzaerov, R. I. (2024). Assessment of Prospects for Development of Turkey's Foreign Policy in 2024 by Foundation for Political, Economic and Social Research (SETA). *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (5), pp. 57–68. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.05. (In Russ.)
4. Jervis, R. (2022). Two views on international relations and the Cold War. *Russia in Global Politics*. Vol. 20, no. 4. pp. 96-109. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-96-109. (In Russ.).
5. Drobinin, A. Y. (2023). Image of the multipolar world. *Russia in Global Politics*. Vol. 21, no. 2, pp. 54-62. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-54-62. -- EDN WXUJFV. (In Russ.)
6. Evstafiev, D.G. (2023). Global transformations: dialectics of continuity of the distant past and denial of the recent. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 19, no.1, pp. 37–56. (In Russ.).
7. Ignatenko A.A. (2018). Iranian/Pro-Iranian Shiite armed groups in the Middle East and the World. Documented Notes. Part 1. *Middle East Institute*, August 27. URL: <http://www.iimes.ru/?p=47228> (date of access: 20.02.2024). (In Russ.)
8. Liddell Garth B. (2018). *Indirect approach strategy*. Moscow: AST Publishing House, pp. 508. (In Russ.).
9. Osipyanyan, A. O. (2019). Turkey and the war in Yemen: transformation of approaches. *Middle East Institute*. February 14. URL: <http://www.iimes.ru/?p=53351> (date of access: 20.02.2024) (In Russ.)
10. Savicheva, E. M. (2014). On the Geopolitical Situation in the Middle East: Interaction Between Regional and Global Trends. *Vestnik RUDN. International Relations*. no. (3), pp. 14-21. (In Russ.). – EDN SYBSUX.
11. Sapronova, M. A. (2019). Problems and limits of regionalisation in the Arab world and Russia's economic interests in the Middle East. *Vestnik of Economics, Law and Sociology*. vol. 2., no. 3, pp. 157-163. (In Russ.).
12. Sumaneyev, Yu. (2018). 'Arab NATO' or "Sunni arc". *Mezhdunarodnaja zhizn'*. August 4. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20301> (date of access 20.02.2024). (In Russ.)

13. Shcheglov, Yu. B. (2021). What is behind the change of the KSA position with regard to Syria. *Institute of Middle East*, May 6. URL: <http://www.iimes.ru/?p=77107> (date of access: 20.02.2024). – (In Russ.)

© Аватков В.А., Крылов Д.С., 2024 г

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: all authors made an equal contribution to the research and writing of the article.

Поступила в редакцию (Received) 10.02.2024

Поступила после рецензирования (Revised) 20.05.2024.

Принята к публикации (Accepted) 29.07.2024.